

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ
НАДЕЖДИН

Марк Шагал.
«Библейское послание»

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ
О БОЛЬШОМ УСПЕХЕ

Николай Надеждин

**Марк Шагал. «Библейское
послание». Маленькие
рассказы о большом успехе**

«Издательские решения»

Надеждин Н. Я.

Марк Шагал. «Библейское послание». Маленькие рассказы
о большом успехе / Н. Я. Надеждин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-644172-9

Имя Марка Захаровича Шагала — это целая эпоха в истории русского и советского искусства. Он родился в Витебске, потом покинул этот город, поселившись в Петербурге. Затем перебрался в Париж. Потом вернулся на родину и стал преподавать... Но сам Марк Шагал революции не принял. Он стремился уехать из страны. И, уехав, постарался быть повсюду французским художником. Однако, слово «художник» здесь главное. А французский, русский или даже еврейский — значения не имеет.

ISBN 978-5-00-644172-9

© Надеждин Н. Я.
© Издательские решения

Содержание

Марк	6
Шагал	7
2024	8
Введение	9
1. Витебск	10
2. Семья	11
3. Старший из десяти	12
4. От папы и от мамы	13
5. Первая школа	14
6. Юрий Пэн	15
7. Петербург	16
8. Школа Рериха	17
9. Лев Бакст	18
10. Нелегал	19
11. Первые картины	20
12. Белла	21
13. Максим Винавер	22
14. «Ты – художник!»	23
15. Париж	24
16. «Ты мой второй Витебск»	25
17. «Ля Рюш»	26
18. Его необыкновенные друзья	27
19. Известность	28
20. «Сюрнатурализм»	29
21. Берлинская выставка	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марк Шагал. «Библейское послание» Маленькие рассказы о большом успехе

Николай Яковлевич Надеждин

© Николай Яковлевич Надеждин, 2024

ISBN 978-5-0064-4172-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Надеждин

«Маленькие рассказы о большом успехе»

Марк

Шагал «Библейское послание»

2024

Введение

Припомнилась одна давняя история...

Дело было ещё в перестроечные 80-е. По залам художественного музея бродил хорошо одетый человек. Вокруг него – целая свита молодых и не очень живописцев, жаждущих похвалы или приговора. Этот человек важно осматривал каждую выставленную картину и, на минуту задумавшись, давал свою оценку.

Возле одного из полотен, на котором была изображена полуразрушенная изба под струями осеннего дождя, эксперт остановился. Долго рассматривал картину. Потом изрёк:

– Хорошо. Очень хорошо. Только жизни не хватает... Кто автор?

Из толпы выдвинулся довольно пожилой мужчина со всклокоченной бородой.

– Замечательно, – сказал эксперт, критически осмотрев фигуру художника. – Но вы, пожалуйста, добавьте какую-нибудь деталь. Ну, собаку, что ли, подрисуйте.

Художник уныло кивнул – мол, подрисую...

Битый час эта необыкновенная компания расхаживала около выставленных картин. И вдруг наступила мёртвая тишина... Мне стало любопытно. Я принялся разыскивать эксперта и его свиту.

Этот чиновник от искусства, может, даже какой-нибудь художественный академик, завернул не в тот зал. Он стоял перед картиной Шагала и всматривался в фигуры летающих людей. И – молчал. Помалкивала и его свита.

Потом он обернулся, посмотрел влажными глазами на сопровождающих и сдавленным голосом произнёс:

– Каково, а?

Махнул рукой и... удалился.

1. Витебск

Есть на северо-западе современной Белоруссии старинный город Витебск. В конце XVIII столетия по указу царицы Екатерины II была определена «черта оседлости», которая определяла места проживания еврейского населения, перешедшего к Российской империи после раздела Польше. Этот царский указ, вышедший 28 декабря 1791 года, и стал началом нашей истории...

Небольшой город на берегах трёх рек – Западной Двины и её притоков Витьбы и Лучёса – Витебск в конце XIX века был тихим уютным губернским центром. Он же был и городом, в котором проживала большая часть из 175 с половиной тысяч евреев Витебской губернии. В этом городе на 17 православных храмов и 2 костела приходилась 51 синагога. Хотя общее количество еврейского населения по отношению к другим национальностям не превышало 15 процентов...

Эта статистика не внушает оптимизма. «Черта оседлости», ограничение гражданских прав (свободы передвижения, запрет на профессии и на образование) по национальному признаку – одна из позорных страниц нашей истории. Но... что было, то было.

Здесь в Витебске было много еврейской бедноты. К ней относилось и семейство Шагалов. Молодой Хацкель-Мордух Шагал работал приказчиком в рыбном магазине в Песковатиках, еврейском районе города. А его молодая супруга Фэйгэ-Итэ сидела дома – ждала первенца.

Жили очень скромно – тем более что совсем недавно, едва справив свадьбу, молодые перебрались в Витебск из местечка Лиозно. А любой переезд подобен стихийному бедствию.

2. Семья

Вообще, ясности в этом вопросе нет. Где родился художник Марк Шагал – в Витебске или в Лиозно? То есть родила Фэйге Шагал первого сына уже в Витебске или ещё дома, в родном Лиозно? Сам Марк Захарович (его настоящее отчество Хацкелевич, но Захарович для русского слуха звучит привычней) говорил: «Отец мой с детских лет был приказчиком в складе сельдей». Мог ли этот склад находиться в заштатном Лиозно? А если мог, что стало причиной переезда его приказчика (то есть помощника, кладовщика) в город?

Как бы там ни было, но 7 июля 1887 года в Витебске или в Лиозно, которое располагалось в 40 километрах от губернского центра, на свет божий появился мальчик, которого называли Мойшей или Марком (это натурализованное русское имя Шагала).

Витебск и сегодня один из красивейших городов Белоруссии. А тогда, в конце XIX века, при отсутствии промышленности, транспорта, многоэтажных домов, утопающий в садах и палисадниках городок был настоящим чудом. С раннего детства мальчишку окружала необыкновенная красота. Правда, большую часть времени он проводил в Лиозно – в доме деда. Здесь и воспитывался в ранние годы, поскольку матушка почти ежегодно приносила по ребёнку. Марк стал первым из десяти выживших детей семейства Шагалов.

Каким он был в детстве? Послушным, сосредоточенным, не по годам серьёзным мальчишкой. Но ещё никто не знал, что в этой совсем простой бедной семье растёт настоящий гений.

3. Старший из десяти

С появлением на свет Марка связана семейная легенда, которую Шагал, уже известный художник, с удовольствием рассказывал. В момент рождения Марка, в два часа дня, в районе Песковатики вспыхнул пожар – загорелись еврейские лавки. В считанные часы огонь охватил всю окраину Витебска – сильный ветер перенёс пламя на соседние дома. И еврейская окраина превратилась в сплошное пожарище. Марк Захарович потом говорил: «Может быть, поэтому я всегда постоянно взволнован».

Ранним образованием Марка занимался дедушка, мясник из Лиозно, отец матушки Фэйгэ. Человек в высшей степени религиозный и добропорядочный, он учил малыша Торе и ивриту, чтобы тот знал свои корни и язык предков (в семье Шагалов говорили на идиш и по-русски). Эти первые уроки сыграли в жизни будущего художника огромную роль. Тема религии станет одной из главных в его творчестве. Возникнет даже такой феномен – «Библия Шагала», объединившая огромное количество религиозных полотен художника.

Ещё одно несомненное последствие религиозного воспитания мальчика – Марк Захарович всю жизнь был верующим человеком. И это одно из важных обстоятельств, помогающих понять секрет успеха этого удивительного живописца, одного из лучших художников современности. Даже в самые тяжкие времена он не отчаивался. Этого не позволяла вера, ведь отчаяние – один из грехов. Всё надо принимать, как волю божью. В том числе и неудачи.

4. От папы и от мамы

До сих пор живы люди, которые знали Марка Захаровича Шагала лично. Шагал прожил огромную жизнь – почти 98 лет. И умер в 1985 году.

Так вот, друзья и знакомые Шагала всегда отмечали его лёгкий весёлый нрав, толерантность и необыкновенное трудолюбие. При том, что Шагал был мягким человеком, в принципиальных вопросах он был совершенно непреклонен. Не человек – железобетон! И если оппонент позволял себе необдуманные обвинения или оскорбления в адрес людей, которые были дороги Шагалу, то Марк Захарович тут же давал отпор.

Это необычное сочетание твёрдости и уживчивости досталось Шагалу от родителей. Отец Марка Хацкель-Мордух был человеком незлобивым, тихим, очень набожным и бесконечно добрым. Он никогда и ни за что не наказывал детей. Много и с большим удовольствием с ними возился. Собственно, многодетной семьёй Шагала стали большей частью по желанию родителя Марка – Хацкель мечтал о семье большой, дружной, любящей.

А матушка Марка была женщиной другого склада. Среди витебских соседей Шагалов о весёлом нраве Фэйгэ-Иты ходили настоящие анекдоты – её цитировали, пересказывали, как пересказывают смешные фразы одесских «мамочек» и торговки и домохозяек. А ещё она была женщиной словоохотливой, властной и предприимчивой. Когда в семье возникала какая-либо опасная ситуация, нерешительный (и даже пугливый) отец полагался на мать. И матушка Фэйгэ всегда находила правильное решение.

5. Первая школа

В 1900 году Марку исполнилось 13 лет. И осенью того же года его отдали в Витебское ремесленное четырёхклассное училище.

Обычный для еврейского мальчика, уроженца местечка, путь – учёба в ремесленном училище, а потом работа рядом с отцом в лавке, либо самостоятельная «карьера», скажем, парикмахера. Другого и не подразумевалось. Поступить в высшее учебное заведение мог только человек с законченным средним образованием, а получить таковое в еврейском местечке было весьма проблематично. К тому же в высшую школу евреев принимали очень неохотно, в столичные вузы тем более, поскольку евреям (некупеческого и «неинтеллигентного» происхождения) проживать в столицах и крупных городах (был соответствующий перечень) без специального разрешения запрещалось.

Четыре года учёбы – Марк закончил училище весной 1905 года – в памяти Шагала не особо задержались. Что-то он, конечно, от этой школы получил. Художник, скульптор, мастер по созданию витражей, поэт, прозаик – всё это требует определённых навыков и знаний. А Шагал всегда был человеком мастеровым, как говорят, «рукастым».

Ну, а писательское ремесло (не говоря уже о поэзии) это, вообще, вопрос особый. Вряд ли в ремесленном преподавали высокую поэзию или хотя бы историю культуры. Это была начальная школа с упором именно на ремёсла. И готовили здесь не интеллектуалов, а скромных тружеников. Умеют читать и писать – и то славно.

6. Юрий Пэн

И в раннем детстве, и отрочестве, и в годы учёбы в ремесленном училище Марк постоянно рисовал. На его способности никто не обращал внимания, считая рисование всего лишь детской забавой. К тому же рисовал Марк необычно – его больше привлекали цветовые сочетания, чем форма. Даже в детских рисунках (которые, к слову, не сохранились) можно было обнаружить приёмы, которые характерны для зрелого Шагала – искажение перспективы, необычные сочетания цвета и фантастические сюжеты. Хотя начинал Марк Захарович, разумеется, как реалист.

В 1905 году в «полный рост» встал вопрос о будущем юноши. Марку исполнилось 17 лет. Возраст солидный, чтобы оставаться на попечении родителей. Но в том-то и была беда, что Марк совершенно не знал, что он, собственно, хочет от жизни. Но в любом случае он не мечтал о должности рабочего, мясника или парикмахера...

В те годы в Витебске жил удивительный художник Юрий Моисеевич (Юдель) Пэн. Ученик Репина, Пэн проучился два года в Петербургской академии живописи и вернулся в Витебск, чтобы организовать художественную школу. В его школе учились такие живописцы, как Реймонд Брайнин, Лазарь Лисицкий, Илья Мазель, Оскар Мещанинов, Ефим Минин.

Сюда же, в школу Пэна, в 1905 году пришёл и Марк Шагал. Его привела сюда матушка – единственная в большой семье, кто оценил художественные способности юноши и поверившая в него. С матерью у Марка были очень тёплые и близкие отношения... В конце концов, если ни мама, то кто же?!

7. Петербург

Главная проблема заключалась в том, что за обучение живописи нужно было платить. А отец по-прежнему работал «селёдочным управляющим», зарабатывая копейки. А мама вообще не работала. И в семье было 10 детей...

Деньги нашлись. Юноша стал учеником Юрия Пэна. И началась его главная школа... Увы, она продолжалась всего 2 месяца. Пэн как живописец звёзд с неба не хватал и был убеждённым поборником реализма. Он рисовал то, что видел и что любил – местечковый быт, витебские пейзажи, природу. Всё это было красиво, хорошо сделано, но Шагала... не интересовало. Ему хотелось большего.

Через 2 месяца занятий у лучшего витебского художника Марк заявил родителям, что должен уехать из города. Куда? Туда, где учатся «настоящие живописцы» – в Петербург. Доводы отца на юношу не действовали. Да, легальным образом устроиться в Петербурге невозможно – местечковым евреям переезд в северную столицу заказан. Но есть же масса способов обойти дурацкий закон!

В конце концов, его отпустили. По воспоминаниям Марка «отец швырнул 27 рублей под стол» – по всей видимости посчитав желание старшего сына уехать из отчего дома предательством. Во всяком случае, довести миролюбивого Хацкеля Шагала до состояния гнева надо было очень постараться.

И Марк уехал в Петербург. Поначалу было очень тяжело. Ему надо было где-то жить, что-то есть и как-то одеваться. А у него ни знакомых, ни связей, ни работы. Наконец, удалось устроиться ретушёром к фотографу. Потом – рисовальщиком магазинных вывесок. С квартирой ничего не получилось – Марк ночевал в ночлежках для нищих, у случайных знакомых, на зиму нанимался сторожем на дачу.

8. Школа Рериха

Но все трудности меркли перед главной проблемой – поступить учиться в художественную школу. Впрочем, настойчивость Шагала была вознаграждена. Ему удалось стать слушателем Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств, директором которой был Николай Рерих. Здесь он проучился два года.

Учёба началась с постижения азов. Будучи самоучкой, Шагал ко всему пришёл сугубо интуитивно, но многое, сам того не ведая, успел испортить. Ему заново пришлось осваивать технику живописи. Как говорят профессионалы – хочешь создавать оригинальные вещи, научись рисовать, как рисуют все.

Шагал начал путь в профессию достаточно поздно. И именно в годы обучения в Рисовальной школе сложился его неповторимый стиль. От классического рисунка, от традиционной манеры письма Шагал пришёл к примитивизму – к течению, которое станет основным в его творческой жизни.

Однако, сам путь был долгим и трудным. Мало того, что Марку мешали бытовые неудобства – ему негде и не на что было жить – он ещё не считался лучшим учеником. Сформировавшийся своеобразный живописный почерк Шагала выбивался за рамки устоявшихся традиций. Преподаватели живописи искренне считали, что Шагал попросту... не умеет рисовать.

Интересно, что они сказали, узнав, что Шагал стал преуспевающим и даже всемирно известным художником? Что его картины продаются за огромные деньги и стали предметом коллекционирования?

9. Лев Бакст

А Шагал упрямо шёл своей дорогой и никого не слушал. Отучившись два года в Рисовальной школе и скопив немного денег, Марк поступил в частную студию Зайденберга, где его педагогом стал театральный художник и график Мстислав Валерианович Добужинский.

И снова Шагал столкнулся с непониманием учителя. Да, Марк умел рисовать – Добужинский не ставил под сомнение его способности. Но вместо старательных «прописей» ученик упрямо продолжал рисовать свои местечковые пейзажи и... летающих людей.

Шагал начал поздно, да в профессии состоялся очень скоро. И то, что педагоги воспринимали за упрямство или нежелание постигать ремесло живописца, было уже почерком, манерой художественного письма, уникальным взглядом на жизнь.

От Добужинского пришлось уйти к Баксту. В 1909 году Шагал поступил в частную художественную школу Елены Николаевны Званцевой. На этот раз его педагогом стал Лев Самуилович Бакст. И... снова ненадолго. Тот же конфликт между учителем и учеником. То же «упрямство школяра, возмнившего себя состоявшимся художником». Положение молодого Шагала было ужасным... Он же обожал своих учителей. И не противился им. Просто иначе писать... не мог.

Старую истину – не мы выбираем профессию, профессия выбирает нас – в этом случае можно переиначить. Не мы выбираем свой почерк, почерк выбирает нас. Речь о манере Шагала, о его художественном штрихе, об особенностях его живописных работ. Это надо было понять и принять, ибо бороться с тем, что изменить нельзя, работа совершенно напрасная.

10. Нелегал

В те годы жилось Марку очень и очень тяжело. Он был даже не беден – нищ. Беспросветно, безнадежно, трагически. Праздником становился тот день, когда он мог позавтракать. Кисти и краски ему дарили его учителя. Все деньги, что он зарабатывал в фотоателье, где Шагал работал ретушером, а потом в мастерской по оформлению магазинных витрин, Марк относил в школу, чтобы заплатить за обучение.

Он постоянно был голоден и оборван настолько, что несколько раз Добужинский и Бакст просто покупали ему одежду, не в силах видеть лохмотья своего ученика. Самое обидное было в том, что Шагалу не удалось продать ни одной своей картины, ни одного рисунка. Их просто не брали в художественных лавках, полагая, что это и не рисунки вовсе, а... «мазня».

Сколько пришлось вытерпеть этому упрямому человеку! И самым удивительным было то, что от голода и холода, от неприютности и постоянных унижений (а что может быть унижительней нищеты?) Шагал не отчаялся, не опустил руки, не заболел. Он словно жил в ином измерении. Не чувствовал боли, не ощущал своего положения. А когда становилось совсем плохо, уезжал домой в Витебск. Немного отъедался на маминых харчах. И... снова возвращался в Петербург.

Самыми большими врагами Марка были столичные городовые, которые норовили проверить его «пачпорт». У Марка не было разрешения на проживание в столице. И ему постоянно приходилось выдумывать историю о больной тётушке, которую он приехал проведать из Витебска, да заблудился...

11. Первые картины

Всему есть свой предел. В конце концов, Шагал оставил своё ученичество – скорее, по финансовым причинам, нежели от осознания, что учёба у Бакста и Петрова-Водкина (за пестование молодого еврейского живописца взялся и Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, автор знаменитого «Купания красного коня» – Шагалу пришлось на некоторое время переселиться в Москву, где работал новый учитель) не даёт ему ничего нового.

В 1908 году Марк, отыскав, наконец, сносное жильё и клятвенно пообещав хозяйке скорую оплату, взялся за работу. От ученических рисунков и картин Шагал перешёл к своей первой профессиональной работе. Ею стала картина «Покойник (Смерть)», созданная в неопримитивистской стилистике.

Это полотно не имело ни единого шанса быть купленным. Примитивисты в России были не в чести. А Шагал – совершенно никому не известный молодой художник – работал именно в этой манере нарочито примитивного письма, с искажённой перспективой, с присущим Шагалу широким цветовым мазком. Кто бы купил эту работу?

Москва, Витебск (где отец отчитал сына за «дурацкие картинки», но снова дал немного денег, чтобы осунувшееся чадо не померло с голоду), Петербург – повсюду Марк возил с собой незаконченный холст. И работал в любую свободную минуту – когда под руками были кисти, краски и какая-нибудь рама, на которой он растягивал свою картину.

12. Белла

В один из наездов домой, ещё в 1909 году, Марк познакомился с дочерью витебского ювелира Беллой Розенфельд. Шагал был настолько беден, что ему нечего было подарить девушке. Подарками стали полевые цветы и несколько рисунков. Потом Марк уехал в Петербург. Между молодыми людьми завязалась переписка. Спустя год, в 1910-м, они стали женихом и невестой. Но жениться не могли – родители Беллы, которые относились к Марку очень неплохо, взяли с него слово, что их дочь станет женой Шагала лишь в том случае, когда тот сможет её достойно содержать. А Марк в то время элементарно голодал и стеснялся садиться за стол в доме будущего тестя, опасаясь, что упадёт в голодный обморок и что не сможет контролировать себя при виде еды...

Они расстались. Марк уехал из Витебска и, в общем-то, похоронил мечту о женитьбе на Белле. А девушка к своему положению обручённой невесты отнеслась очень серьёзно. Четыре года Марк не появлялся в Витебске. И четыре года Белла ждала его, отказывая всем претендентам на её руку и сердце. Белла даже не обращала внимание на то, что Шагал редко писал. Марк решил не дразнить девушку и даже планировал со временем освободить её от данного слова верности. Ну, не может он заработать на достойную жизнь. И от призвания своего отказаться тоже не может.

Слава богу, не отказался. А Белла – дождалась. И впереди у этих молодых людей была очень счастливая жизнь. Настоящая большая любовь и чудесная семья. Нужно было только немного потерпеть... Немного? Четыре года!

13. Максим Винавер

Весной 1911 года в художественную лавку на Невском проспекте зашёл невысокий господин очень приятной внешности. Лысоватая круглая голова, рыжая бородка, внимательный взгляд живых глаз... Это был известный юрист, один из первых членов Государственной думы еврейской национальности Максим Моисеевич Винавер.

Приказчик вышел из-за прилавка и остановился рядом с Винавером, пытаясь угадать, что заинтересовало потенциального покупателя.

– Это кто? – спросил Винавер, кивнув на одну из картин.

– Вы не знаете, Максим Моисеевич, – ответил приказчик, который узнал завсегдатая своего скромного магазинчика. – Некто Шагал.

– Любопытно, очень любопытно, – пробормотал Винавер, отступив на шаг и всматриваясь в полотно.

Это была та самая картина «Покойник», первая профессиональная работа Марка.

– А вот ещё, – сказал приказчик и показал ещё две работы Марка: «Портрет моей невесты в чёрных перчатках» и «Семья».

Последняя работа настолько впечатлила Винавера, что Максим Моисеевич покачал головой, мол, нет, на эту денег не хватит.

– Сколько? – спросил он, доставая бумажник.

– Три рубля за штуку, м ответил приказчик.

– Что-о-о? – брови Винавера поползли вверх.

– Э-э-э... для вас полтора рубля. Но исключительно для вас.

– Послушай, любезный, – холодно произнёс Винавер, пряча бумажник в карман. – Я не буду покупать эти картины. А ты не будешь их продавать. Завтра в это же время, – Винавер взглянул на часы, – приведи сюда этого Шагала. Я хочу с ним поговорить.

14. «Ты – художник!»

Они встретились на следующий день. Винавер, увидев шуплую фигуру Марка удивился его худобе. Попросил показать все работы, какие у того есть. Более часа рассматривал полотна и рисунки. Потом заявил хозяину лавки, что забирает всё, заплатил сто рублей и вывел Марка на улицу.

– Больше сюда ни ногой. И деньги тебе эти не нужны. Я покупаю твои картины у тебя лично – по пятьсот рублей за штуку.

Марк недоуменно хлопал глазами. А когда в его руках оказались полторы тысячи рублей ассигнациями, неожиданно для себя и Винавера... заплакал...

Потом они говорили – долго, несколько часов. Бродили по Невскому, останавливались. Винавер покупал пирожки у торговки – Марк был ужасно голоден и, увлечённый разговором, не замечал, что непрерывно и всё подряд ел.

Наконец, Максим Моисеевич сказал:

– Послушай, Марк. Ты – художник. Большой и очень талантливый живописец. И тебе надо учиться не здесь. Тебе надо в Париж... Ты поедешь туда немедленно. Я заплачу...

В 1926 году Шагал, живший в Париже, узнал о смерти Винавера. И написал: «С большой грустью скажу сегодня, что с ним умер и мой близкий, почти отец. Всмотривались ли вы в его переливчатые глаза, его ресницы, ритмично опускавшиеся и подымавшиеся, в его тонкий разрез губ, светло-каштановый цвет его бороды пятнадцать лет тому назад, овал лица, которого, увы, я, из-за моего стеснения, так и не успел нарисовать. И хоть разница между моим отцом и им была та, что отец лишь в синагогу ходил, а Винавер был избранником народа, – они всё же были несколько похожи друг на друга. Отец меня родил, а Винавер сделал художником. Без него я, верно, был бы фотографом в Витебске, и о Париже не имел бы понятия».

15. Париж

У каждого состоявшегося человека есть свой счастливый случай и свой ангел-хранитель, благодетель, исполнитель заветного желания. В жизни Шагала им стал Максим Моисеевич Винавер. Этот красивый умный человек в своей жизни сделал много добрых дел. Открытие Шагала, помощь этому погибающему от голода и нищеты таланту – одно из самых великих, самых добрых...

Очень скоро всё переменялось. Обладавший большими связями (и, к слову, совсем небогатый) Максим Моисеевич добился того, чтобы Шагал стал стипендиатом Петербургской художественной академии. Правда, позже выяснилось, что ежемесячную стипендию Винавер высылал Шагалу... из собственных денег. И Марк об этом узнал слишком поздно, чтобы отблагодарить своего спасителя. Да, и как за такое отблагодаришь?

Поначалу ужасно стеснительный Шагал отказывался ехать в Париж. Винаверу пришлось даже убеждать его. Но... долго отказываться от своего счастья неспособен никто. И в мае 1911 года Марк Шагал отправился в Париж.

Он хотел снять в центре Парижа светлую студию – деньги у него на это были, а снял крошечную квартирку на авеню Мэн. В конце концов Шагал оказался на Монмартре, в знаменитом общежитии художников «Ля Рюш» – «Улей», среди себе подобных начинающих живописцев, нищих талантов, будущих классиков. Деньги вскоре закончились. Несколько тысяч рублей, которые Винавер заплатил за его первые картины, Марк потратил на новых друзей. Он попросту накормил голодных и одел раздетых. И шумный богемный «Ля Рюш» это оценил.

16. «Ты мой второй Витебск»

Вечный вопрос, который мы безответно задаём сами себе – для чего ты живёшь... Ответа на него не было и у Шагала. Какой умный человек может ответить на него (а если может, умный ли он, задающий этот риторический вопрос)? Но всё же одна фраза, давно ставшая банальной, у него была всегда наготове – чтобы увидеть Париж.

Марк обожал этот город. Боготворил, превозносил, восхищался им. Свою любовь к Парижу он выражал парадоксальной смешной фразой – «Париж – мой второй Витебск». И не лукавил! Шагал, вообще, был очень непосредственным, искренним, открытым человеком. Он всегда говорил то, что думал. И говорил красиво, очень умно, афористично. Это легко понять из его автобиографической книги и статей (если удастся их отыскать). Писателем (и, добавим, поэтом) Шагал был замечательным. Действительно, очень хорошим, безумно талантливым, обладающим лёгким и точным слогом...

Так вот, Париж стал его настоящей музой. Гуляя по осеннему Парижу, Марк вспоминал Витебск. И вернувшись в бедлам «Улья», рисовал летающих мужчин и женщин, свой родной город, обитателей еврейского местечка. И признавался, что без парижского воздуха, без этого бесконечного праздника души, без светлой щемящей грусти парижских улиц ничего бы не было – ни картин, ни самого художника Марка Шагала.

Париж стал для него огромной мастерской. И местом, в которое он раз и навсегда влюбился – как в женщину.

17. «Ля Рюш»

В начале XX века общежитие «Ля Рюш» являло собой жалкое зрелище. Комплекс полуразрушенных зданий, в котором ютилась сотня нищих художников. Общие кухни, условные удобства и – светлые, просторные, ужасно замусоренные всякой художественной рухлядью (поломанными мольбертами, засохшими кистями и красками, обрывками холстов, колченогими табуретами) студии. В эти студии приходили прекрасные девушки – такие же нищие и весёлые, как сами художники. Это были натурщицы и по совместительству подруги начинающих и ещё совсем неизвестных живописцев. Они позировали своим кавалерам за бутылку вина и пару франков (если у художников появлялись хоть какие-то деньги, они ими охотно делились).

Шагал словно попал в родную среду – как рыба в свежие речные воды. Весёлого, щедрого еврейского юношу, который несколько лет «воевал» с французским языком, да так и не смог избавиться от русского акцента, Марка любили всем сердцем. Когда из Петербурга приходили деньги (от Винавера), Марку устраивал настоящий праздник. «Улей» окутывался ароматом жареной курочки. В ближайшей лавке закупалось дешёвое вино. И начинался пир.

А кто сидел за общим столом? Художники – Шагал, Архипенко, Кикоин, Сутин, Штеренберг, Цадкин, Модильяни, Леже. Поэты Аполлинер, Сандрар, Жакоб, Сальмон... Весь цвет европейской культуры XX века! Но тогда – совершенно неизвестные имена.

18. Его необыкновенные друзья

С друзьями ему везло просто необыкновенно. И всё благодаря тому, что Шагал сам был чудесным человеком, который как магнит притягивал к себе ярких, талантливых, добрых и щедрых. Таково уж было свойство его натуры...

То, что Шагал делал, поначалу не находило понимания, но ровно до той поры, пока молодые коллеги ни раскусили самого Марка. И любовь к молодому художнику из России перекинулась на его картины. Мало кто отстаивал картины Шагала перед критикой (а Марку доставалось частенько) с такой горячностью, как обитатели «Ля Рюш». О, за Марка шпаги были готовы обнажить многие из этого разношёрстного братства!

Впрочем, за себя мог постоять и Марк. И не ответной руганью, а вполне логичным объяснением. Однажды в 1912 году из России в Париж приехал журналист Анатолий Луначарский, корреспондент газеты «Киевская мысль» (да, да, тот самый). Он спросил, зачем Шагал на своей картине поместил на крыше дома в Витебске старого еврея. И Шагал ответил: «Потому что это не выдумка. У меня был дядя, который, когда ел компот, забирался на крышу, чтобы его не беспокоили». Вот так.

Луначарский стал одним из друзей Шагала. А потом появились влиятельные друзья в Петербурге и в Москве. В 1912 году Шагал выслал свои первые парижские полотна на Осенний салон в Петербург, где они были выставлены вместе с работами группы «Мир искусства». А в 1913 году картины Марка были представлены в Москве на выставке «Мишень».

Марк Шагал постепенно становился известным живописцем.

19. Известность

Для творческого человека, будь он писатель, композитор или художник, нет ничего хуже безвестности. Ибо главный мотив творчества – самовыражение, стремление поделиться с людьми своим видением мира. Работать в стол способны лишь очень мужественные и верящие в свой талант люди...

Шагалу повезло и в этом. За четыре года, проведённые им в Париже, он превратился из провинциального никому не известного начинающего художника в оригинального живописца-новатора, картины которого вызывали всеобщий интерес. У Шагала появились первые покупатели, которые обеспечивали его существование. Потихоньку раскачивалось дело и с выставками, а художнику такого уровня выставки – что воздух. Но... не сразу, постепенно, с некоторым скрипом.

Проблема заключалась в художественном стиле Шагала – ни на что не похожем мире, созданным его воображением. Как высокий профессионал Марк Захарович (всё же неудобно называть «нашего Шагала» на европейский манер одним именем) мог работать в любой технике. Но его привлекал именно примитивизм, который, по его мнению, полностью освобождал воображение от пут условностей традиционной живописи.

Для понимания и приятия картин Шагала требуется определённая подготовка. В его полотна нужно всматриваться (как говорят сегодня, «включать голову»). Это же не созерцание, не просто наслаждение высоким искусством. Это совместная работа художника и зрителя. Образ рождается в воображении того, кто смотрит. Живописец лишь даёт толчок, некие начальные рамки. Картины Шагала и не картины вовсе – это целые истории, рассказы в картинах. Полёты во сне и наяву.

20. «Сюрнатурализм»

Удивительный стиль Шагала, которому не было названия, определил Гийом Аполлинер (обожавший, к слову, творчество Марка Захаровича).

Однажды в мастерскую Шагала в «Ля Рюш» заглянул Аполлинер. Это было обычным делом – комнаты художников и их студии не запирались. Если кому-то нужно было что-то взять, например, поесть или выпить, то обитатели «Улья» просто заходили к друзьям, ели или пили. Дурным тоном считалось лишь анонимное посещение, взял что-то – скажи, что взял, тогда никаких претензий. Это же были настоящие друзья... Так вот, Аполлинер зашёл к Шагалу, подвинул пустующий табурет, сел и стал всматриваться в незаконченную картину, над которой Марк Захарович тогда работал.

Здесь необходимо сделать одно отступление. За четыре года пребывания Шагала в Париже Марк Захарович написал... несколько сотен картин! Подсчитать точно невозможно. Работы Шагала не систематизированы до сих пор, его наследие столь же колоссально, как и наследие Пикассо, создавшего около 80 тысяч произведений. И это только картины, а были ещё и карандашные рисунки и черновые наброски...

Аполлинер просидел около часа. Его лицо было напряжено и даже покраснело. Потом он поднялся, смущённо пробормотал: «Сверхъестественно!». И выбежал вон.

На следующий день Марк Шагал получил от Аполлинера письмо и стихи, посвящённые художнику. В этом письме Аполлинер назвал стиль Шагала «сюрнатурализмом» – то есть «сверхнатурализмом». Ответом другу стало полотно Шагала «В честь Аполлинера».

21. Берлинская выставка

К 1914 году положение 27-летнего Марка Шагала в современной европейской живописи настолько утвердилось, что его уже называли родоначальником «нового экспрессионизма». И это не было преувеличением – начав свои эксперименты в живописи, Шагал открыл дорогу новым течениям, став предтечей экспрессионистской и сюрреалистической живописи.

Он уже не был так беден, как четыре года назад. И с благодарностью отказался от стипендии Винавера, написав Максиму Моисеевичу трогательное письмо с благодарностью и заверениями в искренней любви. Марк Захарович уже мог себе позволить снять хорошую уютную квартиру где-нибудь в центре Парижа, но... оставался в «Ля Рюш», не в силах расстаться с друзьями.

Впереди было грандиозное и крайне важное для Шагала событие. На июнь 1914 года в Берлине была запланирована его первая персональная выставка. Несколько десятков самых удачных (с точки зрения Шагала, на самом деле неудачных у него и не сыскать) картин были вывешены в зале редакции художественного журнала экспрессионистов «Штурм», с которым сотрудничал Марк Захарович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.